

**ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«РУМПЕРИЯ. ШЕПОТ ЛЮБВИ»:**

**Любовь без пересдачи
Аксинья Карпова**

**Секретный ингредиент Маргариты
Лия Джей**

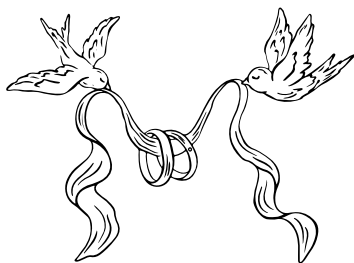

**Не сбудется
Елена Каштанова**

**Девочка Да Винчи
Элен Блио**

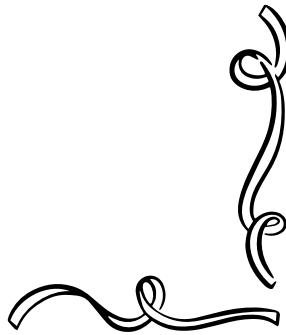
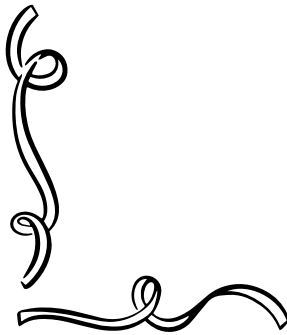
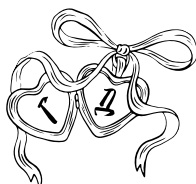
Продолжение следует...

АННА
БЕЛИНСКАЯ

По-настоящему

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Иллюстрация на обложке *Dinka*
Иллюстрации на наклейках *Lera2x2*
Художественное оформление *Екатерины Белобородовой*

Белинская, Анна.

Б43 По-настоящему / Анна Белинская. — Москва : Эксмо, 2027. — 448 с. — (Румперия. Шепот любви).

ISBN 978-5-04-251654-2

Заклучить фиктивный брак с самым заносчивым парнем университета? Легко!

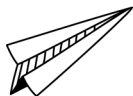
Герман — обаятельный и наглый студент из богатой семьи. Из-за проблем с отцом решается на авантюру и делает однокласснице своего лучшего друга предложение. Даша мечтает съехать от брата, который ведёт себя как настоящий тиран. Герман предлагает девушке сделку: она выходит за него замуж, а он помогает ей решить проблемы с жильём. Идеальное партнёрство! Ребята стараются держаться друг от друга подальше и обещают разорвать отношения через два месяца. Что может пойти не так? Например, они могут по-настоящему влюбиться.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251654-2

© Анна Белинская, 2027
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2027

Плейлист

Даша

Still Falling For You (Ellie Goulding)
Cant fight the moonlight (LeAnn Rimes)

Lift you up (LEON)

Love is the answer (Natalie Taylor)

Helium (Sia)

Мне так повезло (Мари Краймбрери)

Легенда (Ally Moon)

Way to you (Gareth Emery)

Cheap Thrills (Sia)

Runnin (Lose it all) (Beyonce, Naughty Boy)

Chasing Stars (Rupert Pope, Giles Palmer)

Viva Forever (Spice Girls)

Любовь похожая на сон (Liona)

Ты знаешь (Елка и Burito)

ПЛЕЙЛИСТ

Германа

Пачка сигарет (Виктор Цой)

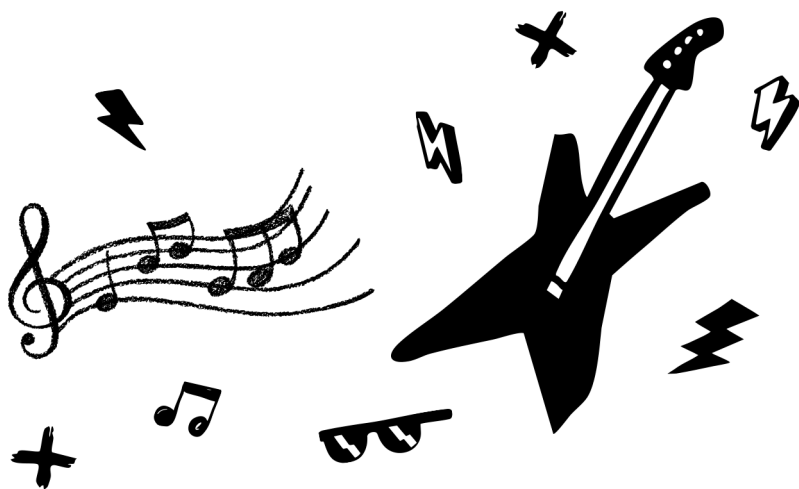
Туда (Михей и Джуманджи)

Californication (Red Hot Chili Peppers)

Хочу перемен (Кино)

You are gonna go far, kid (The Offspring)

Нежность (МАЧЕТЕ)

-Бондаренко, на выход!

Лязг металлической двери, бьющий по мозгам.
Недовольный бубнеж моих соседей.

— Бондаренко!

Передергиваю плечами.

Ну чего он так орет? Голова гудит...

— Я не понял, тебе особое приглашение нужно?
Или понравилось тут у нас? — усмехается дежурный.

— Ага. Уютно, — сиплю, вставая с деревянной скамьи. Наклоняю гудящую голову влево-вправо, растираю ладонью затекшую шею.

— Могу продлить тебе пребывание. Хочешь? — снова усмехается «гражданин начальник» и широко открывает для меня решетчатую дверь.

Я провел здесь половину сегодняшней ночи, не смыкая глаз и морщась от потолочного светильника.

— В другой раз... — хлопаю себя по карманам джинсов в поисках очков, но вспоминаю, что менты все отобрали.

Тело ноет. Меня словно прокрутили через мясорубку.

— Ловлю на слове, — хмыкает дежурный. — Давай за мной.

Идем по слабо освещенному коридору. Смотрю прямо перед собой. Конкретно в этом участке я впервые, но в последние полгода я частый гость подобных мест, и изнутри они все похожи.

— Здоров, Тем, а ты че к нам зачастил? — голос моего конвоира эхом отражается от казенных стен.

Он останавливается, торможу следом. Смотрю вперед, на мужика, с которым дежурный здоровается за руку. Узнаю в нем гайца — мы недавно «подружились». Выглянув из-за плеча дежурного, он скользит по мне сощуренным взглядом, в котором читается узнавание. Нервно сглатывает.

Салют! Давно не *виделись*!

Улыбаюсь ему в ответ, приветствуя двумя поднятыми вверх пальцами.

— Че лыбишься? Утро у тебя доброе? — гаишник игнорирует своего собеседника и обращает внимание на меня.

Подмигиваю ему.

— Тем... — стопорит его дежурный, когда тот делает шаг в мою сторону.

— Ты глухой или тупой?

— Ну че ты бесишься? — лениво складываю руки на груди и подаюсь корпусом вперед, глядя

на три звездочки на его погонах. — У-у-у... А че ты, до сих пор старлей? Ты поэтому такой злой, да?

— Слушай сюда, утырок малолетний... — гаец в два шага оказывается у моего лица и хватает меня за футболку, притягивая к своим расширенным ноздрям. — Дерзить ты научился, в остальном — полное дерьмо. Легко быть крутым за родительские бабки.

Дежурный бросается к нам:

— Тем, хорош. Отпусти его, — озирается по сторонам.

— Спокойно, спокойно, порвешь... — нагло улыбаюсь, смотря гаишнику прямо в глаза, и развожу руки в стороны ладонями вперед в тот момент, когда позади нас раздается мужской голос:

— Что происходит?

— Здорова, Борис Германович! — повернувшись к отцу, растягиваю губы в насмешливо-ехидной улыбке.

Отец смотрит на чужие руки, вцепившиеся мне в футболку, отчего старлей резко их убирает и отходит от меня на метр. Подмигиваю ему, замечая, какой перекошенной стала его побагровевшая рожа. Этот старлей меня сюда и определил, в эту помойку. Но прежде несколько раз прилично приложил лицом о капот моей тачки, скрутив руки за спиной. Шустрый чувак оказался, принципиальный, зараза.

— Доброе утро, — здоровается батя, не глядя на меня. — Я отец... этого... нарушителя, — членораздельно сообщает, кивнув в мою сторону, на что усмехаюсь, качнув головой.

Этого...

— Где нам можно поговорить? — отец произносит это так, что ни у одного мента не возникает желания сказать ему о том, что мы находимся не в его офисе или торговом центре, а в отделении полиции. Но за меня уже заплатили. Заплатили столько, чтобы Борис Германович Бондаренко мог вести себя тут как начальник, а я — приложить к виску два пальца и отсалютовать старлею, у которого уже дым валит из носа.

— Я вас провожу, — отзывается дежурный, за что получает от бати скупой благодарственный кивок.

Наигранной бесящей походкой прохожу мимо гаишника, который провожает меня смертоносным прищуром. Его бы воля, он бы меня закопал. Прямо здесь, у входа в участок.

Нам с отцом выделяют пустой кабинет, и я примерно представляю, для чего все это — нравоучительная лекция младшему неуправляемому сыну господина Бондаренко, позору семьи, выродку, на котором природа отдыхает.

Ну окей.

Пристраиваюсь на стуле, ерзя и пытаюсь найти более-менее удобное положение.

— Чет ты припозднился, — зевнув, лениво высказываю претензию, когда отец садится за стол. Он соединяет пальцы в замок и пристально смотрит на меня.

Демонстративно растекаюсь по стулу. Поза максимально расслабленная и нахальная. Отцу не привыкать, это представление именно для него, и он в теме.

— Подумал, может, ночь в обезьяннике пойдет тебе на пользу, — усмехается Борис Германович.

О как! Лады, принимается.

Молчу.

Голова гудит беспощадно, хочется спать.

— Но, видимо, не пошла... — с сожалением заключает батя и замолкает.

Его молчание слишком оглушающее. Представляю, что творится у него в голове, от его мыслей у меня уши закладывает.

Даю ему время. Пары минут достаточно, чтобы он продолжил:

— Наслышан, какое представление ты ночью устроил. На местном канале оценили.

Уже? Оперативно работают!

— А ты? Оценил? — расплываюсь в довольной улыбке, вспоминая, как ночью всколыхнул скучные улицы.

— Превышение скорости... — констатирует батя, забив на мой вопрос.

Под двести втопил, ага.

— Там по мелочи, — уклончиво отвечаю я.

— Не остановился по требованию сотрудника ДПС, — продолжает перечислять мои «победы» отец.

Было, да.

Мне физиономия этого старлея издали не понравилась. Стоял полусонный, скучал. Ну подразнил я его. Зато кровь мужику разогнал! Ему, вообще, похудеть не мешает.

— Очканул я, батя! Стоит мужик, палкой размахивает. Черт его знает, че у него на уме, — пожимаю плечами, включив дурака.

Покачив головой, отец грузно вздыхает.

— В крови промилле...

— Э-э-э! — возмущенно подсакиваю на месте. — Не гони! Я в трубку дышал, там все в порядке было.

Зараза ты, старлей. На капитанские погоны зарабатываешь, леваки мне навешивая?

— Трезвый я был! Поиграл с гайцами в шашечки, в чем проблема?

— Герман! — тяжелая рука Бориса Германовича грохает о поверхность стола. Морщусь. — В шашечки поиграл? Шахматист... — отец на грани того, чтобы выругаться. — Сколько можно? Я устал тебя вытаскивать...

— Так не вытаскивай! Тебя никто не просит! — взрываюсь я следом.

— Я тебя не узнаю, сын.

— А я тебя не знаю, отец. — Всакиваю со стула так, что тот с грохотом валится.

Срываюсь к двери, у которой торможу, едва улышав в спину:

— Двадцать восьмого числа...

— Да-да, твой день рождения... — перебиваю отца. — Я отправлю тебе поздравительную открытку.

— Радует, что ты помнишь, — усмехается в ответ он. — Но я не об этом. В этот день я буду давать большое интервью. В нашем доме. Прилетит Богдан. Я хочу, чтобы оба моих сына присутствовали...

— Хочешь казаться образцово-показательным отцом? — снова перебиваю его. — Прямо вижу, как пестрят новостные заголовки: «Счастливое семей-

ство Бондаренко дружно собралось за одним столом»!

— Не перевирай, Герман. — Отец поднимается из-за стола и делает шаг ко мне. Встает раздражающе близко. — Ты знаешь, что это не так. Но предстоящее интервью для меня действительно важно.

— Не сомневаюсь. Может, поэтому мне и не стоит на нем появляться?

— Герман, ты мой сын... — отец тяжело выдыхает, проводя рукой по слегка седоватым волосам. — Просто постарайся не вляпаться в очередное дерьмо до интервью.

Без представлений я не умею. Я слишком ненавижу *обоих*, чтобы заботиться об их нервных клетках.

— Переживаешь? За свою репутацию? — язвлю сквозь зубы, вызываясь глядя отцу в глаза.

Кадык в его глотке дергается. Он нервно поправляет белоснежный воротник брендовой рубашки.

— Когда мы потерялись? — голос Бондаренко-старшего становится отчаяннее. Я мог бы даже этим проникнуться, но...

— Ты знаешь, — произношу.

— Тебе не кажется, что нам давно пора поговорить?

— Серьезно? Здесь? — обвожу рукой скупой интерьер.

— Может, и здесь. Мы видимся только при таких обстоятельствах. Когда ты был дома последний раз?

— Дома? — удивленно приподнимаю брови. — А где мой дом?